

**Уральский металл в декоративно-прикладном
искусстве: эксперименты с платиной
в середине 1820-х гг.***

EDN DZGTGS

Аннотация. В статье на основе переписки управляющего Гороблагодатским казенным округом Н. Р. Мамышева 1824–1825 гг. рассмотрено становление на горнозаводском Урале художественного литья иковки из чугуна и платины. Мастерство местных литейщиков он использовал для создания сувенирного бренда округа — колец из высококачественного чугуна горы Благодать, а затем и для продвижения на рынок нового металла — открытой в 1824 г. в Гороблагодатском горном округе платины. Потребительские качества ювелирных украшений, столовых приборов и канцелярских принадлежностей из очищенной уральской платины и ее сплавов с медью не уступали вещам из золота и других благородных металлов. Присланной с Урала платиной также начали украшать изделия императорских хрустального и фарфорового заводов и в 1825 г. преподнесли их в качестве пасхального подарка Александру I. По замыслу Мамышева, истеблишмент мог ввести изделия из платины в престижное потребление и сделать их модными, тем самым увеличив объем их сбыта. Если чугунное кольцо воспринималось как сувенир, то платиновое — как товар премиум-сегмента и объект репрезентативной культуры.

Ключевые слова: художественное литье, чугун, платина, Гороблагодатский горный округ, Н. Р. Мамышев, эго-источники, сувенир.

Стимулом к экспансии уральского металла в декоративно-прикладное искусство стало кризисное для горнозаводского Урала начало XIX в. В историографии отмечен довольно поздний старт этого процесса: после столетнего существования местной металлургии, уже при развитом чугунно-плавильном производстве¹. Он осуществлялся не на базе народных ремесел (как, например, невьянский сундучный промысел), а в виде направляемой заводской администрацией практики, из которой, в частности, родилось всемирно известное каслинское литье. В. М. Свистунов справедливо указывает, что с этого времени на горнозаводском Урале появилась «отрасль художественной промышленности», которая, тем не менее, оставалась частью чугунолитейного производства². Чаще всего

* Исследование выполнено за счет средств субсидии на финансовое обеспечение выполнения госзадания ИИиФ УрО РАН; тема: «Модернизационные трансформации России Нового и Новейшего времени: общестрановые тенденции и региональная специфика», рег. номер 124032100050-2.

¹ Алимova Л. Б. Уральское бытовое и художественное чугунное литье XVIII — начала XX века (историко-экономический аспект) // Вестник Челябинского государственного университета. 2003. № 1 (15). С. 49.

² Свистунов В. М. Формирование модельного ряда архитектурного литья Каслинского завода (1853–1914): новые архивные данные // Новое искусствознание: история, теория и философия искусства. 2021. № 4. С. 26.

к истории подобного «симбиоза» обращались при изучении художественного литья более позднего времени и прежде всего на Каслинском заводе (Б. В. Павловский, Ю. Н. Елфимов, И. М. Пешкова, В. М. Свистунов, О. П. Губкин, Л. Б. Алимова, Н. М. Шабалина и др.).

Цель данной статьи — выявление специфики малоисследованного начального этапа формирования этой отрасли в крае на неочевидном для нее объекте — Гороблагодатском горном округе — головном предприятии казны по выпуску артиллерийских снарядов. Местное художественное литье упоминается в публикациях об округе³ или о становлении платиновой промышленности⁴, но особым объектом изучения оно не становилось.

В качестве основного в работе используется источник, к которому весьма редко при освещении таких тем обращаются искусствоведы, предпочитающие предметы декоративно-прикладной культуры, или историки, основывающиеся на делопроизводственных документах. Им стала переписка 1824–1825 гг. управляющего Гороблагодатским казенным округом Николая Родионовича Мамышева с бароном А. Г. Строгановым, сенатором В. Ю. Соймоновым, директором императорских хрустального и фарфорового заводов С. И. Комаровым и другими. Отдельные фрагменты этих писем Николай Родионович включил в свою статью про «обретение» Россией платины⁵, которая в основном и цитируется в литературе. Однако в переписке проводимые им эксперименты с художественным литьем и ковкой как хорошо знакомого уральцам чугуна, так и только что открытой здесь (впервые в Старом свете) платины представлены более подробно и, что немаловажно, в контексте других тем. Переписка включает также ответные послания адресатов Мамышева, следовательно, освещает (разумеется, опущенную в его статье) «обратную связь» по данному вопросу.

В исследовании задействованы типичные **методы** исторического анализа, прежде всего историко-генетический и историко-сравнительный, а применительно к эпистолярным текстам — метод «медленного чтения».

Н. Р. Мамышев, обнаружив в 1824 г. на территории Гороблагодатского округа богатые платиновые россыпи и размышляя о путях продвижения перспективной находки на рынок, решил использовать имеющийся у него опыт, как сейчас бы сказали, в мерчандайзинге. Наполеоновские

³ См., напр.: Назин С. С. Кушва — предшественница Каслей и Кусы // Антиквариат. Предметы искусства и коллекционирования. 2006. № 38. С. 33–41.

⁴ Фрицман Э. Ч. Исторический очерк платинового дела в России // Известия института по изучению платины и других благородных металлов. 1927. Вып. 5. С. 30–31.

⁵ Мамышев Н. Р. Краткое описание обретения платины в Сибири // Горный журнал. 1827. № 1. С. 25–53.

войны ввели в Европе моду на ювелирные изделия из чугуна⁶, у которой в России нашлись подражатели. Хрестоматийную известность приобрела инициатива директора Царскосельского лицея Е. А. Энгельгардта, специально изготовившего и подарившего первому (пушкинскому) выпуску чугунные кольца в форме рукопожатия. Лицеисты называли себя «чугунниками», и сам Александр Сергеевич постоянно носил это кольцо. Мамышев увлечение украшениями из чугуна использовал для популяризации продукции вверенных ему предприятий, работавших на богатом, чистом и легкоплавком магнитном железняке знаменитой горы Благодать. Опыты с мелкой чугунной пластикой начались здесь еще до занятия Николаем Родионовичем своей должности. В 1810-е гг. на Кушвинском заводе немецкими специалистами было налажено производство рельефно-плоскостного художественного литья. Уже в 1811 г. отливается рельефный круглый портрет Александра I, затем еще одно изображение Александра и прусской королевы Луизы Мекленбургской. Камерное литье раскрашивали маслом или темперой. Сохранились отлитые в Кушве бело-красно-синий и бело-красно-зеленый портреты Александра I⁷. Изготавливались также бытовые (печная дверца) и культовые предметы. В 1815 г. были отлиты и также получили полихромную покраску настенные плакетки «Иисус» и «Богоматерь Мария»⁸.

Мамышев использовал эти наработки в других целях. Местные литейщики изготовили для него уже ювелирное изделие — чугунные колечки, которые управитель при случае преподносил как высокопоставленным, титулованным лицам, так и путешественникам, посещавшим его далекий северный округ. Рекламно-сувенирная продукция имела успех и оказалась востребованной. Барон, флигель-адъютант императора А. Г. Строганов побывал в Кушве, осмотрел округ и в письме из Усолья от 2 апреля 1824 г. благодарил его управляющего за «колечки литые из чугуна»⁹.

Другие его послания свидетельствуют, что это было не просто выражением признательности: молодой аристократ (сам уральский заводчик и солепромышленник) высоко ценил заслуги Мамышева в выделке качественных изделий. В письме от 2 февраля 1825 г. он заявил Нико-

⁶ См., напр.: Назин С. С. Художественное литье из чугуна в Средней Европе в конце XVIII — начале XXI века // Антиквариат. Предметы искусства и коллекционирования. 2010. № 79. С. 64–67.

⁷ Шайдунова Г. П. Портреты Романовых в коллекции художественного литья Екатеринбургского музея изобразительных искусств // Каслинский чугунный павильон. Екатеринбург, 2001. С. 110, 112.

⁸ Назин С. С. Кушва — предшественница Каслей и Кусы... С. 33–39.

⁹ Государственный архив Свердловской области (далее — ГАСО). Ф. 345. Оп. 1. Д. 17. Л. 1.

лаю Родионовичу: «...не вы открыли Гороблагодатскую гору, ето правда, но вам обязана превосходному обработованию железа...». И далее признался, что «уважает чугунные колечки»¹⁰. У проехавшего в 1824 г. по Уралу издателя журнала «Отечественные записки» П. П. Свиньина Гороблагодатский округ стал конечной северной точкой пути. Возвратившись в столицу, гость Мамышева 24 ноября 1824 г. просил: «Нельзя ли, батюшка, прислать... чугунных колечек — побольше и получше»¹¹. Просьбы и уверения этих лиц свидетельствуют об успешном превращении кольца из чугуна в бренд Гороблагодатского округа.

В случае с недавно открытым благородным металлом задача Николая Родионовича усложнялась неизвестными свойствами этого порождения уральских недр. Платина добывалась в виде минерала поликсена, содержащего различные примеси. Освобождать от них пришлось и уральский металл. Окружной начальник поручил, как он выразился, такое «разложение» обер-бергмейстеру А. Н. Архипову. С первыми результатами этих опытов Мамышев 14 ноября 1824 г. ознакомил сенатора, тайного советника Владимира Юрьевича Соймонова: «Она имеет средний цвет между серебром и сталью; тверда и упруга; весьма легко куется и припаевается к стеклу; весьма блестяща и принимает самую высокую политуру...»¹². «Чтобы лучше показать достоинства» очищенного вещества, экспериментаторы в качестве образца для изделия из него повторили знакомую им ювелирную форму: «...сделали колечко», — уведомлял Мамышев своего адресата.

Новое украшение показалось ему «приятнее для глаз и надежнее в употреблении золота, потому что блеск золота скоро стирается по мягкости сего металла». Поскольку «платина сему недостатку неподвержена по чрезвычайной своей крепости», то он намеревался «ввести ее во всеобщее употребление для замены золота»¹³. В письме к директору императорских хрустального и фарфорового заводов Сергею Ивановичу Комарову от декабря 1824 г. начальник Гороблагодатского округа сообщил о другом преимуществе металла: «...хорошо плавится с жолтым мышьяком; по выжжени/и/ сего легко куется, как олово... Когда мышьяк из него хорошо вызжен, то уже не плавится ни в каком калильном огне, сколько бы ему не подвергали. И в сем-то случае гораздо привозходит все металлы и самое золото»¹⁴.

¹⁰ ГАСО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 17. Л. 4.

¹¹ ГАСО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 16. Л. 2.

¹² ГАСО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 6. Л. 8 об.

¹³ Там же. Л. 8 об. — 9.

¹⁴ ГАСО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 4. Л. 2 об.

Затем Мамышев задумался над показом достоинств платины потенциальным потребителям. «Я решился, — рассказывал он Комарову, — выписав из казначейства ее некоторое количество на свой счет, наделать галантерейных вещей и разослать к моим патронам и знакомцам, особливо ученым, даже решился было несколько послать в галантерейные магазины, чтобы неоспоримо доказать, что этот металл, может употребляться на все те вещи и поделки, где употребляется золото, серебро и бронза»¹⁵. Первым подарок получил Соймонов: 6 января 1825 г. ему в Москву было отправлено два колечка¹⁶. Тринадцатого февраля Мамышева благодарил вице-директор Департамента горных и соляных дел Н. А. Шленев за «удовольствие получить... колечко из платины» и передавал свой разговор с недавно назначенным директором этого департамента Карнеевым: «Егор Васильевич получил два ваши колечка, которые сегодня будут представлены государю, и вероятно у него останутся. Я предлагал ему взамен мое, но он отказался в надежде, что вы пришлете к нам еще по несколько штук»¹⁷.

Через супругу управитель Гороблагодатского округа распространял украшения из платины среди дамской аудитории, в частности, два кольца в качестве презента получила жена Комарова¹⁸. Его старый знакомый, казанский губернатор А. Я. Жмакин, через ректора Казанского университета К. Ф. Фукса также просил «доставить... к нему из платины колечко для супруги его»¹⁹. Престижную новинку Мамышев пообещал подарить и Свиньину — коллекционеру и основателю полного курьезов «Музеума»: «Вещицу из нашей платины непременно к вам пришлю, и скоро». Правда, с оговоркой: «Сожалею, что бывшие у меня все разослал к моим знакомым и благодетелям»²⁰.

Ставку в популяризации изделий из платины Мамышев делал на «правительство и модников». Механизмы же престижного потребления требовали задействовать еще и именитую элиту. Его письмо в январе 1825 г. к барону Строганову (которому тоже было обещано колечко) можно считать представлением нового металла этой привилегированной социальной страте: пересказав его упомянутые выше свойства, Николай Родионович резюмировал: «...прочнее золота и всех металлов. Ибо красотою своею никакому из них не уступает, а прочностью всех превосходит. Теперь мы знаем, как с ним управляться: делаем из него все,

¹⁵ ГАСО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 4. Л. 6 об. — 7.

¹⁶ Там же. Л. 23.

¹⁷ ГАСО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 22. Л. 3.

¹⁸ ГАСО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 4. Л. 7 об.

¹⁹ ГАСО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 21. Л. 1 об.

²⁰ ГАСО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 5 (листы не нумерованы).

что можно сделать из других благородных металлов: кольца, перстни, браслеты, цепочки и проч. и проч. Думаем, не заменит ли он в галантерейных вещах золото? Ибо блеск его очень приятен, а в употреблении неизменяем. Для чего бы не пустить его в употребление, или так сказать в моду. И в сем-то случае должно прибегнуть к российским вельможам, знатым и богачам. От их примера должно ожидать сего выгодного для России коммерческого оборота»²¹.

Распространению изделий из металла окружному начальнику помогла характерная черта того времени — превращение интерьера из архитектурного в вещный. Как отмечает Л. Б. Алимова, ассортимент декоративно-прикладных изделий в эти годы становится все более разнообразным, и такие мелкие бытовые предметы во множестве появляются в жилых помещениях²², а изящные «мелочи» превращаются в обязательный атрибут личного пространства человека. Поэтому, наладив ювелирное производство, Гороблагодатский округ перешел к более крупным вещам — кабинетным аксессуарам, замахнувшись на чернильницу для самого царя. «Теперь работаем чернильницу, — знакомил Мамышев в ноябре 1824 г. с этим замыслом Соймонова. — Вид и величину ея изводите видеть из прилагаемого при сем рисунка. Основания ея чугунное, тело из платины, а украшение верха из золота; т. е. все сдешние металлы в вещи сей заключаются». «Есть ли отработка ея будет соответствовать моему желанию; то буду просить представить ее государю импер/ато/ру», — делился он с Владимиром Юрьевичем своими соображениями²³.

Возможно, это начинание имело тайную подоплеку. Горнозаводскому истеблишменту было известно, что на память о посещении в 1824 г. Урала Александр I забрал с собой золотой самородок, найденный во время его пребывания в Златоустовском горном округе²⁴. Уральский артефакт прочно обосновался на его рабочем столе в качестве пресс-папье. Внимательно следивший за передвижениями императора по краю Мамышев, несомненно, чувствовал обойденным его вниманием свой дальний округ. Преференции достались администраторам южных Златоустовских заводов, хотя именно в Гороблагодатских, по инициативе управляющего, незадолго до приезда августейшего гостя было открыто первое на восточном склоне Урала золото, а в самый канун посещения — месторождение платины. Для напоминания о своих заслугах требовалось водрузить на

²¹ ГАСО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 7. Л. 1-2.

²² Алимова Л. Б. Образ и символ в русской декоративно-прикладной роскоши XVIII — первой половины XIX веков // Архитектон: известия вузов. 2006. № 4 (16). [Электронный ресурс]. URL: http://archvuz.ru/2006_4/27 (дата обращения: 20.05.2026).

²³ ГАСО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 6. Л. 11.

²⁴ См., напр.: Тарасов Д. К. Воспоминания моей жизни // Русская старина. 1872. № 3. С. 372.

рабочий стол венценосца нечто «уравновешивающее» златоустовский самородок. Чернильница явилась подходящим предметом для воплощения управительской затеи. Флигель-адъютанту царя, барону Строганову, в январе 1825 г. Николай Родионович так разъяснял свои намерения: «Я просил представить ее государю императору на высочайшее усмотрение, яко августейшему патрону сего рудника, Царево-Александровским названного...». Хотя сам сомневался в задуманном, трезво оценивая возможности своих мастеров угодить столичному вкусу: чернильный прибор «производил здесь простой кузнец, получающий в год только 18 рублей жалования». «Но мне хотелось, чтобы все было сдешнее, незаемное, и металл и искусство», — уверял он крупного уральского землевладельца, надеясь, что тот разделяет его местный патриотизм²⁵.

Соймонову же он признался, что «платинная чернильница вышла прекрасна» и «отправится в Петербург с будущей почтою»²⁶, а в письме от 19 февраля справлялся о ее судьбе: «Судя по времени, должно быть ей уже представленной к государю: однако я ни от кого еще о том не получил известия»²⁷. Владимир Юрьевич, обсуждая с Александром I горнозаводские дела, еще 7 января наблюдал его реакцию на дар из Кушвы, но не писал о ней своему адресату, тем более что мнение самодержца оказалось переменчивым. В беседе с Соймоновым тот сказал: «Третьего дня со мной работал министр финансов и представил мне какую-то, всю из платины чернильницу, сделанную Мамышевым (несколько слов не разобрано), на что мне она...! Мне этак, пожалуй, сделают сервис?» (Император был недалек от истины: в Гороблагодатском округе действительно изготовили и как образец отослали в Департамент горных и соляных дел ложку из платины, а также нож, правда, перочинный.)²⁸ «Это самовластие! — Добрый хозяин должен беречь и показать на приход до последнего зерна, а располагать этим мое уже дело», — продолжал царь. Его собеседник «осмелился заметить, что, наверно, употребленные на эту чернильницу золото и платина записаны в расход», и услышал в ответ: «Так, но не их дело делать, что им хочется»²⁹. Впоследствии монарх сменил гнев на милость, прислав непосредственному исполнителю слесарю Сысоеву в качестве награды 300 рублей³⁰.

В Кушве же испытывали добавки в сплавы с платиной и остановились на меди. «Стараясь сколько можно более размножить способы употреб-

²⁵ ГАСО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 7. Л. 3-3 об.

²⁶ ГАСО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 6. Л. 21 об.

²⁷ Там же. Л. 29.

²⁸ Там же. Л. 10 об.

²⁹ Владимир Юрьевич Соймонов // Горный журнал. 1894. № 2. С. 272.

³⁰ Мамышев Н. Р. Краткое описание обретения платины в Сибири. С. 43.

ления в общежитии сего новаго металла, мы сделали сдесь состав из одной части платины и четырех частей красной меди», — информировал Мамышев в письме от 6 января 1825 г. Соймонова³¹. Однако больше Николая Родионовича удовлетворила другая пропорция, подробно описанная им в письме от 24 апреля Комарову: «В колечках платины $\frac{2}{3}$ и — красной меди $\frac{1}{3}$. Последняя прикладывается для лигатуры, подобно как то делается в золотых вещах; иначе чистая платина весьма мягка, как олово. Скоро стирается... При том же применении меди, $\frac{1}{3}$ части относя, ни прочности, ни красоты вещи не вредит, а еще дает ей какой-то розовой отцвет». «Потому я решил всегда в вещах употреблять сию лигатуру», — подводил Мамышев итог своих разысканий. Появились у него и наблюдения о неудобствах при обработки платины: «...можно делать ее твердою только чрез кование; но сие средство не со всякою вещию употребить можно»³². В Департаменте также оценили «нежный бледно-розовый цвет»: 13 февраля 1825 г. Шленев признавался: «...будьте уверены, что мы весьма радуемся тем удачным опытам, которые Вы производите над платиною. Новая ваша композиция платины с медью прекрасна. Вы скоро получите предписание об оной...»³³.

В Гороблагодатском округе не ограничились экспериментами с различными металлами, а пробовали «рисовать» платиною на стекле и фарфоре. Это направление поисков стало главным в переписке управляющего с Комаровым. Обращаясь к нему в декабре 1824 г., Николай Родионович писал о новом минерале: «Соль из него даст прекрасную накладку на хрусталь и фарфор. Кажется, перемешан с позолотою, и может дать прекрасные рисунки. Для сего я имею честь представить ее Вашему Превосходительству 12 золотников с кратким описанием, как ее употреблять. Редкий гений ваш, столько прославившийся в управлении хрустальными и фарфоровыми заводами и поставивший их на такую высоту, до которой они никогда прежде не достигали, конечно, укажет достойное место и сему юному сыну металлической природы»³⁴. Поскольку в этом же послании гороблагодатский управляющий предупреждал Сергея Ивановича: «Может быть несколько затруднительно будет по новости сего дела показать вдруг все в нем успехи», — то, отвечая на него 3 марта 1825 г., директор императорских заводов признал непривычность работы с новым материалом: «С платиною солью не оставил я с фарфоровым заводе сделать опытов, которых если и нельзя назвать

³¹ ГАСО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 6. Л. 23.

³² ГАСО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 4. Л. 7 об. — 8.

³³ ГАСО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 22. Л. 3-3 об.

³⁴ Там же.

совершенно еще удачными, однако же сколько возможно на первый раз хорошо. Это правда, что мы много и путались, а от того и металла извели много по пустому, Но как же быть?.. Первый плод делаем!»³⁵

Этот «плод» — «чайную ложку и перовницу, украшенных платиною» — Комаров вместе с письмом отослал Мамышеву. Судя по приписке, — «Если они и не так еще хороши, но можно решительно похвалиться, что у вас у первого есть фарф/оровые/ вещи, обработанные в России и русской платиною», — Николай Родионович должен был быть польщен³⁶. Однако больше его порадовали намерения директора императорских заводов: «Так как по обыкновению представляем мы изделия наши государю императору к Св. Пасхе, то в числе приготавливаемых вещей, есть несколько украшенных платиною. Я сказывал графу Д. А. что несколько ее получил я от вас, однако же вещей он еще не видал»³⁷. Вердикт графа — инициалы скрывали управляющего Кабинетом Дмитрия Александровича Гурьева — оказался положительным. Сергей Иванович писал 6 апреля своему адресату: «Имею удовольствие известить вас, что принятой от вас платиною украшено было несколько вещей и яиц... При вещах украшенных платиною положена была записка, что платина добыта из Царево-Александровского рудника, ведомства Гороблагодатского горного начальства. Его величества изволил принять приношения наши с особенным благоволением»³⁸.

Свиньин сообщил об этом читателям «Отечественных записок», подчеркнув «совершенно новый вкус и новые усовершенствования» подношений: «Сии последние состояли в украшении фарфора платиною вместо золота...»³⁹. Речь шла о технике орнаментальной живописи, в которой с этого времени фарфоровых дел мастера наряду с золотом применяли платину или, как предлагал Мамышев, оба металла вместе⁴⁰. На I Всероссийской выставке промышленных изделий, прошедшей в Санкт-Петербурге в мае — июне 1829 г., присутствовали, в том числе, и такие экспонаты. Отделка шести тарелок, бульонной чашки, трех чашек «форменных» и одной «стаканчиком с крышкой» и даже умывальника состояла из кобальта, платины и золота. Последними украшались «борта» посуды⁴¹.

Развив активную рекламу платины, управляющий Гороблагодатским округом «вдруг получил повеление, никаких опытов с сим металлом

³⁵ ГАСО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 13. Л. 1-1 об.

³⁶ Там же. Л. 1 об.

³⁷ Там же. Л. 2.

³⁸ Там же. Л. 3.

³⁹ П. С. Записка, посланная в Москву к Михаилу Яковлевичу Толстому, о разных с.-петербургских новостях // Отечественные записки. 1825. Ч. 22. С. 174-175.

⁴⁰ Императорский фарфоровый завод. 1744-1904 [Исторический очерк]. СПб., 1906. С. 187.

⁴¹ Приложения // Императорский фарфоровый завод... С. 29-30.

не делать». Поскольку свою миссию, сформулированную еще в ноябре 1824 г. в письме к Соймонову: «Может быть сдешняя чернильница на столе императора и несколько с нею посланных колец введут во всеобщее употребление сей модной металл...»⁴², — он весной 1825 г. считал выполненной, то искренне признался Комарову: «Тем дело мое и кончилось»⁴³.

В переписке прослеживается связь двух указанных в начале текста аспектов. Оба они оказались иницированными «на месте» маркетинговыми ходами, которые удачно развивались и были искусственно свернуты «центром». Первый показывает, чем горнозаводское производство способствовало появлению изделий декоративно-прикладного искусства из платины. Metallургические и горнодобывающие предприятия того времени (даже казенные, вопреки представлениям о неповоротливости государственного сектора сравнительно с частной инициативой) располагали солидной базой для выпуска «декоративных предметов» и организовали их выпуск, не отвлекаясь от своих основных задач. Они имели качественное сырье, а их кадры умели пользоваться его свойствами или за короткое время могли научиться этому. Для пробных партий ювелирных изделий администраторы выстраивали логистику, доводящую до потребителя конечный продукт (по личным связям и через предприятия розничной торговли) или позволяющую стать поставщиком полупродукта («платиновой соли») для изготовления фарфора и, благодаря флагманскому статусу императорского фарфорового завода, добиться быстрого и удачного ввода нового материала для декора посуды в производство и его доступа на рынок.

Второй аспект указывает, что именно декоративно-прикладное искусство помогло платине «заявить о себе», заинтересовать целевую аудиторию (вплоть до императора). Будучи не столько эстетом, сколько прагматиком, Мамышев проводил рекламную кампанию сразу по нескольким направлениям: предлагал платину «сынам российского Марса» (делать «ружейные и пистолетные стволы, полки и затравки») или делать из нее «толстую» посуду, наконец, «теснить монету» (что и случилось, и из-за чего остановились остальные направления и была введена государственная монополия)⁴⁴. Однако беспроектно с поставленной задачей — обратить «на сей прекрасный металл даже высочайшее внимание» — справились не утилитарные, а декоративные изделия. А позже символом искусности уральских литейщиков тоже была признана

⁴² ГАСО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 6. Л. 12.

⁴³ ГАСО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 4. Л. 7.

⁴⁴ Мамышев Н. Р. Краткое описание обретенной платины в Сибири. С. 44–45.

ювелирная вещь — «чугунная цепочка» для карманных часов, один из немногих аксессуаров мужской респектабельности. Герой преданий, некто «П. П. Карпинский, управляющий зотовскими заводами», появился в костюме с таким изящным предметом в аристократическом Петербурге: «...на жилетке шелковый шнурок вместо золотой цепочки болтается». Но «шелк» на поверку оказался хрупким чугуном, а провинциал демонстрировал столичной публике виртуозность мастера, которая оказалась на порядок выше при работе с «черным» дешевым металлом, чем с благородным золотом⁴⁵.

Этот эпизод в истории отечественного декоративно-прикладного искусства служит одной из примет его вступления в сферу промышленного производства⁴⁶. Причем изготовитель, массово тиражируя предметы одинаковой формы, но из разных металлов, вкладывал в них различный смысл. Кольцо из чугуна (как позже и цепочка) — оригинальный сувенир. Такое же кольцо из платины, металла благородного, — нечто, отсылающее сразу к новому, еще редкому и уникальному, следовательно, к роскоши и эксклюзиву. Исследовательница декоративно-прикладной роскоши Л. Б. Алимова пишет о переосмыслении этого социокультурного феномена в России начала XIX в., когда статусные украшения стали служить и для «поэтизации среды, окружающей человека»⁴⁷. Сентиментальная образность в ювелирных изделиях из металлов остается малоизученной. Однако размышления искусствоведа Н. В. Сиповской о «культуре „сувенира чувств“» относительно фарфора вполне приложимы и к восприятию чугунных колечек Мамышева, как и замечание о том, что память (в том числе, заключенная в эстетически значимых вещах) явилась «одним из ключевых открытий сентиментализма»⁴⁸. Чугунное кольцо в этой логике воспринималось как милый памятный знак, частица горы Благодать на вашем пальце, в отличие от платинового — товара премиум-сегмента и объекта репрезентативной культуры.

В целом обращение в Гороблагодатском округе к созданию литых декоративно-прикладных изделий выглядит вполне сознательными усилиями в поисках новой рыночной ниши для продукции из металлов. Следовательно, особенность начального этапа формирования художе-

⁴⁵ Лазарев А. И. Поэтическая летопись заводов Урала. Челябинск, 1972. С. 144.

⁴⁶ Сиповская Н. В. Интерьеры и предметы // История русского искусства: в 22 т. М., 2011. Т. 14: Искусство первой трети XIX века. С. 310.

⁴⁷ Алимова Л. Б. Понятие декоративно-прикладной роскоши в русской истории и культуре // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. Т. 1. № 10. С. 24.

⁴⁸ Сиповская Н. В. Фарфор в системе сентиментальной образности // Дом Бурганова. Пространство культуры. 2010. № 2. С. 103–104, 115.

ственно-литейной отрасли на горнозаводском Урале заключалось в стратегии с опорой на маркетинговые соображения, ориентированные на меняющиеся в первой трети XIX в. вкусы потребителей.

Список литературы

1. Алимova Л. Б. Образ и символ в русской декоративно-прикладной роскоши XVIII — первой половины XIX веков // Архитектон: известия вузов. 2006. № 4 (16). [Электронный ресурс]. URL: http://archvuz.ru/2006_4/27 (дата обращения: 20.05.2026).
2. Алимova Л. Б. Понятие декоративно-прикладной роскоши в русской истории и культуре // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. Т. 1. № 10. С. 22–26.
3. Алимova Л. Б. Уральское бытовое и художественное чугунное литье XVIII — начала XX века (историко-экономический аспект) // Вестник Челябинского государственного университета. 2003. № 1 (15). С. 47–57.
4. Назин С. С. Кушва — предшественница Каслей и Кусы // Антиквариат. Предметы искусства и коллекционирования. 2006. № 38. С. 30–43.
5. Назин С. С. Художественное литье из чугуна в Средней Европе в конце XVIII — начале XXI века // Антиквариат. Предметы искусства и коллекционирования. 2010. № 79. С. 60–83.
6. Лазарев А. И. Поэтическая летопись заводов Урала. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1972. 311 с.
7. Свистунов В. М. Формирование модельного ряда архитектурного литья Каслинского завода (1853–1914): новые архивные данные // Новое искусствознание: история, теория и философия искусства. 2021. № 4. С. 26–35.
8. Ситовская Н. В. Интерьеры и предметы // История русского искусства в 22 т. М.: Северный паломник, 2011. Т. 14: Искусство первой трети XIX века. С. 310–387.
9. Ситовская Н. В. Фарфор в системе сентиментальной образности // Дом Бурганова. Пространство культуры. 2010. № 2. С. 100–120.
10. Шайдурова Г. П. Портреты Романовых в коллекции художественного литья Екатеринбургского музея изобразительных искусств // Каслинский чугунный павильон. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001. С. 108–112.

References

1. Alimova L. B. Image and Symbol in Russian Decorative and Applied Luxury of the 18th — First Half of the 19th Centuries. *Architecton: Proceedings of Higher Education*. 2006, no. 4 (16). Available at: http://archvuz.ru/2006_4/27 (accessed May 20, 2026). (In Russ.)
2. Alimova L. B. The Concept of Decorative and Applied Luxury in Russian History and Culture. *Bulletin of the Orenburg State University*. 2005, vol. 1, no. 10, pp. 22–26. (In Russ.)
3. Alimova L. B. Ural Household and Artistic Cast Iron Casting of the 18th — Early 20th Centuries (Historical and Economic Aspect). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2003, no. 1 (15), pp. 47–57. (In Russ.)
4. Nazin S. S. Kushva — the Predecessor of Kasli and Kusa. *Antiques. Art and Collectibles*. 2006, no. 38, pp. 30–43. (In Russ.)

5. Nazin S. S. Artistic Iron Casting in Central Europe in the Late 18th — Early 21st Centuries. *Antiques. Art and Collectibles*. 2010, no. 79, pp. 60–83. (In Russ.)
6. Lazarev A. I. Poetic Chronicle of the Ural Factories. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe Publ., 1972. 311 p. (In Russ.)
7. Svistunov V. M. Formation of the Architectural Casting Product Range at the Kasli Factory (1853–1914): New Archival Data. *New Art Studies. History, Theory and Philosophy of Art*. 2021, no. 4, pp. 26–35. (In Russ.)
8. Sipovskaya N. V. Interiors and Objects. History of Russian Art in 22 Volumes. Vol. 14. Art of the First Third of the 19th Century. Moscow: Severnyy palomnik Publ., 2011, pp. 310–387. (In Russ.)
9. Sipovskaya N. V. Porcelain in the System of Sentimental Imagery. *Burganov House. The Space of Culture*. 2010, no. 2, pp. 100–120. (In Russ.)
10. Shaydurova G. P. Portraits of the Romanovs in the Collection of Artistic Castings of the Yekaterinburg Museum of Fine Arts. Kasli Cast-Iron Pavilion. Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2001, pp. 108–112. (In Russ.)

Сведения об авторе

Голикова Светлана Викторовна

доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН

Российская Федерация, 620108, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16

E-mail: avokilog@mail.ru

ORCID: 0000–0001–8272–4763

Для цитирования

Голикова С.В. Уральский металл в декоративно-прикладном искусстве: эксперименты с платиной в середине 1820-х гг. // Социум и власть. 2026. Т. 23. № 2. С. 21–34.

Golikova Svetlana V.

Ural Metal in Decorative and Applied Arts: Experiments with Platinum in the mid-1820s

Abstract. This article, based on the correspondence of N. R. Mamyshev, the manager of the Goroblagodatsky state district, from 1824–1825, examines the development of artistic casting and forging of cast iron and platinum in the Ural mining region. He used the skill of local foundry workers to create a souvenir brand for the district — rings made from high-quality cast iron from Mount Blagodat — and then to market a new metal — platinum, discovered in 1824 in the Goroblagodatsky mining district. The consumer qualities of jewelry, cutlery, and stationery made from purified Ural platinum and its copper alloys were equal to those of gold and other precious metals. Platinum sent from the Urals also began to decorate items from the imperial crystal and porcelain factories, and in 1825, they were presented as an Easter gift to Alexander I. Mamyshev's vision was to introduce platinum jewelry into the luxury market and make it fashionable, thereby increasing sales. While a cast iron ring was perceived as a souvenir, a platinum ring was perceived as a premium product and an object of representative culture.

Keywords: art casting, cast iron, platinum, Goroblagodatsky mining district, N. R. Mamyshev, ego-sources, souvenir.

Information about the author

Golikova Svetlana V.

Doctor of Historical Sciences,

Leading Researcher

Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

16 Sofyi Kovalevskoy Street, Ekaterinburg, 620108, Russian Federation

E-mail: avokilog@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8272-4763

For citation

Golikova S. V. Ural Metal in Decorative and Applied Arts: Experiments with Platinum in the mid-1820s. *Society and Power*. 2026, vol. 23, no. 2, pp. 21–34. (In Russ.)